

К обеду служанка Гуйхуа принесла на подносе свежие паровые лепешки. Едва взглянув на них, госпожа Ся тут же распорядилась:

— Свари-ка Юаньбао каши. Да пожиже, чтобы жевать не пришлось.

Ся Чэнь обреченно прижал ладонь к щеке. Сил его больше не было. Подумаешь, зубы молочные выпадают — почему вокруг этого столько шума?

— Да я фё фьем, не надо отдельно... — прошамкал он.

Желая доказать свою самостоятельность, он решительно потянулся к тарелке и впился зубами в лепешку. Но здешний хлеб готовили из пресного бездрожжевого теста: сухой, черствый, с легкой кисловатой ноткой. Стоило Ся Чэню сжать челюсти, как нижний резец предательски зашатался. Мальчик в ужасе отложил недоеденный кусок и присмирел, безропотно ожидая свою тарелку жидкой разваренной кашицы.

Вскоре Цяонянь принесла миску дымящейся пшенки.

— Бурый рис слишком жесткий, разваривается плохо, а отборной белой крупы дома не осталось, — ласково улыбнулась сноха. — Поешь пока пшенной каши, Юаньбао. А сегодня вечером я велю твоему брату сходить в лавку и выменять хорошего белого риса.

Ся Чэнь молча опустошил две чашки пшенки, стараясь лишний раз не разжимать губ. Господин Ся с сыновьями, разумеется, не упустили бы редкую возможность подразнить младшего, но мальчик лишь упрямо надувал пухлые щеки. Он напускал на себя максимально грозный и неприступный вид, надеясь урезонить неумных родственников, которые так и норовили устроить из его мелких невзгод целое представление.

Стоило обеду закончиться, как Ся Чэнь поспешно ретировался к себе и запер дверь. Решение было принято бесповоротно: пока не прорежутся новые, крепкие зубы, он побудет молчаливым и загадочным красавцем.

Узнав о его планах, Тунбань с присущим ему профессиональным цинизмом выдал дежурную порцию яда:

[А если отец к тебе обратится — промолчишь? А если наставник велит отвечать у доски — притворишься немым? А когда твой ненаглядный собеседник позовет поболтать — проигнорируешь?]

Ся Чэнь стиснул зубы — те, что еще держались.

"Каждый божий день я молю небо о том, чтобы у этого Тунбаня появилось физическое тело. Уж тогда-то я бы с ним поквитался по-настоящему, на кулаках."

С отцом все просто: если нет крайней нужды, можно обойтись кивками. Наставник — муж ученый и добродетельный, смеяться над шепелявым учеником точно не станет. Единственной неразрешимой проблемой оставался Цзыцзянь — его своенравный и проницательный друг.

Когда его невинная ложь внезапно раскрылась, Ся Чэнь мысленно приготовился к долгим и мучительным извинениям. Он и представить не мог, что пустившийся в бега передний зуб окажет ему неоценимую услугу. Разве может человек всерьез сердиться и метать молнии, когда его разбирает безудержный смех?

В итоге вместо покаянной драмы Ся Чэнь получил целую гамму чувств: Вэнь Шу хохотал взахлеб, хмыкал, пытался сдержаться, отворачивался и снова прыскал со смеху. А когда веселье наконец утихло, перед ним предстал несчастный, обиженно сопящий маленький обманщик. Вся злость Вэнь Шу мигом улетучилась. Он не смог вымолвить ни единого упрека — ярость, которую он бережно лелеял последние три дня, словно окатили ледяной водой, погасив без остатка.

Раз уж от души посмеялся, продолжать дуться было бы глупо и притворно. Пользуясь моментом, Вэнь Шу принялся осторожно расспрашивать своего юного друга, чтобы наконец прояснить его истинное положение.

Ся Чэнь и сам больше не желал юлить. На прямые вопросы он отвечал честно, а о том, что следовало держать в тайне, так прямо и говорил: мол, не могу рассказать при всем желании.

К примеру, имя: Вэнь Шу сразу догадался, что Юаньбао — имя настоящее, и Ся Чэнь это подтвердил. О возрасте и спрашивать не пришлось — раз уж дитя вовсю теряет молочные зубы, значит, перед ним и впрямь сидел крошечный пройдоха. А вот на вопрос о том, откуда у простого деревенского мальчишки столь поразительные, не по годам глубокие познания, Ся Чэнь лишь туманно сослался на необыкновенное знамение судьбы.

Вэнь Шу не стал настаивать. О таинственных цветах, позволявших им общаться на огромном расстоянии, он даже не заикнулся. В конце концов сам маленький обманщик не выдержал и любопытствовал, почему тот обходит эту тему стороной.

Вэнь Шу тогда лишь снисходительно улыбнулся:

— А если спрошу, ты мне ответишь?

— Нет... — неловко пробормотал Ся Чэнь.

— Ну и к чему тогда лишние расспросы? Зачем ставить тебя в неловкое положение? Расскажешь сам, когда придет время.

Подобное великодушие тронуло Ся Чэня до глубины души. Впрочем, Вэнь Шу

руководствовался холодным расчетом: его собеседник был добрым малым, но далеко не дураком. Начни он давать волю любопытству — мальчик закроется еще сильнее. Да и у самого Вэнь Шу имелись тайны, которыми он ни с кем не стал бы делиться... Хотя нет, одной тайной он поделиться очень даже собирался.

Вэнь Шу давно все спланировал. Когда начнется восстание мертвецов и мир погрузится в хаос, он сначала всласть налюбуется на мучения обитателей поместья Динго-гуна, а перед самой их смертью откроет им правду. Он расскажет, что переродился, и поведаст, в какой сытости и покое они жили в прошлой жизни под его крылом. Пусть подышают, захлебываясь горьким раскаянием.

Разумеется, к Юаньбао это не относилось. Излишнее любопытство лишь вбило бы клин в их зарождающуюся дружбу. Куда выгоднее было проявить терпение и заслужить безоговорочное доверие мальчика.

Действительно ли ему не хотелось знать правду? Разумеется, хотелось. Но Вэнь Шу предпочитал закидывать удочку подальше. Пока ниточка их связи крепка, время играет на его стороне. Рано или поздно он выведает все до мельчайших подробностей.

И план сработал безупречно. Пораженный такой деликатностью, Ся Чэнь мгновенно проникся глубокой симпатией к своему невидимому другу — сироте с такой нелегкой, но благородной душой. И когда Вэнь Шу, улучив момент, в шутку выпросил у него обращение «старший брат», Ся Чэнь из чувства вины за былую ложь переступил через гордость и послушно повторил это заветное слово пару раз.

Ся Чэнь и не подозревал, какую бурю вызвал в душе своего собеседника этот тонкий детский голосок. Будущий повелитель тьмы Вэнь Шу в то же мгновение поклялся себе: когда он наконец разыщет этого негодника, то посадит его в изящный цветочный горшок и заставит жалобно, со слезами на глазах, звать его «братиком» каждый божий день.

Ни о чем не догадываясь, Ся Чэнь уже мысленно возвел Цзыцзяня в ранг лучшего друга. Он даже твердо решил: если дела того в Императорской столице совсем пойдут прахом, он обязательно найдет способ вытащить его оттуда и приютить.

Но стоило подумать о том, что на его плечи ляжет забота еще об одном человеке, как юноша призадумался. Накоплений явно не хватало.

На самом деле, по местным меркам Ся Чэнь был баснословно богат. Во всей округе не нашлось бы ребенка состоятельнее него. Даже у избалованного единственного наследника семейства Тянь, Лайбао, карманные деньги никогда не превышали сотни медных монет, у Ся Чэня же в закромах лежало без малого пятьдесят золотых лянов.

Сумма огромная — на нее можно было приобрести добрую сотню му плодородной земли. Вот только пустить эти деньги в ход легально не представлялось возможным. А если попросить Тунбаня обналичить их через Систему, тот сдерет такую комиссию, что половина богатства

растает как дым. От одной мысли об этом сердце кровью обливалось.

Поэтому, едва скопив приличную сумму, Ся Чэнь предпочитал спускать ее на колесо фортуны в игровом автомате Системы. Там по крайней мере не приходилось платить грабительский налог пронырливому Тунбаню.

Тем более что в «золотом» сундуке порой попадались невероятно полезные диковины. Чего стоил хотя бы коробок обыкновенных спичек или упаковка мягкой туалетной бумаги, которую он вытянул в прошлый раз!

Прижимая к груди этот заветный рулон, Ся Чэнь едва не разрыдался от счастья. Перенесясь в суровое древнее прошлое, он готов был мириться со скудным рационом и грубой одеждой, но обходиться без нормальных удобств было выше его сил. До этой счастливой находки он уже всерьез подумывал наладить собственное кустарное производство бумаги, лишь бы не пользоваться местными бамбуковыми палочками-цечоу. О здешней «туалетной гигиене» даже вспоминать не хотелось.

Больше всего Ся Чэнь мечтал выиграть хорошую металлическую кастрюлю или сковороду. В глиняных кувшинах и горшках пищу можно было только варить, к тому же они требовали прорву дров, а таскать хворост в Системное пространство тайком от домашних было делом хлопотным и утомительным.

С другой стороны, благодаря столь мощному подспорью, как Системное пространство, наладить безбедную жизнь было проще простого. Конечно, Ся Чэнь не собирался совершать глупостей и торговать редкими плодами напрямую — это было слишком подозрительно и опасно. Вместо этого он обратил взор на ассортимент системного магазина и скупил множество полезных книг.

Художественной литературы там, конечно, не водилось, зато руководств по агрономии и пищевым технологиям было хоть отбавляй. В эпоху, когда любые ремесленные секреты бережно охранялись и передавались строго от отца к сыну, эти фолианты являлись настоящими рогами изобилия.

Запусти он производство домашнего уксуса, соевого соуса, крепкого алкоголя или своего главного козыря — очищенного белого сахара, семейство Ся мгновенно взлетело бы на вершину финансового благополучия и вошло в высшее общество.

Ся Чэнь не раз прокручивал в голове подобные схемы, но каждый раз вовремя останавливался. Он слишком дорожил своими близкими, чтобы подвергать их смертельной опасности.

Древний Китай — далеко не свободный рынок двадцать первого века. Когда он подарил рецепт маринованных деликатесов лувэй семье своего дяди, те, будучи потомственными мясниками с солидной репутацией в округе, все равно столкнулись с суровой реальностью. Стоило им открыть лавку, как треть ежемесячной прибыли стала уходить на взятки мелким чиновникам и местным заправилам.

И это ради скромной торговли закусками! К счастью, дядя вовремя успел заручиться покровительством уездного судьи, заставив вечно голодных стервятников поумерить аппетиты.

Теперь Ся Чэнь прекрасно понимал, почему даже самые богатые купцы из кожи вон лезли, лишь бы выдать дочерей за чиновников или ученых мужей. Четыре сословия — служилые, земледельцы, ремесленники и торговцы — были не пустой условностью. Без весомой опоры в верхах любой богач оставался лишь жирным бараном, которого власть имущие могли пустить под нож в любую минуту.

Перечитав ворох собственных набросков и бизнес-планов, юноша сжег их без сожаления. Быстрое обогащение сулило лишь беды. А уж если его семью официально причислят к сословию торговцев, пиши пропало. Для простых крестьян самым надежным и проторенным путем оставалось проверенное веками: копить монеты, скупать пашни, снова копить и снова расширять наделы.

Вот только распоряжаться покупкой земли малолетнему Юаньбао никто бы не позволил.

"Что ж, придется взяться за ум и налечь на учебу. Получу чин, обеспечу себе казенное жалованье, да и семейные угодья от налогов освобожу."

Распрощавшись с наполеоновскими планами, Ся Чэнь вернулся к учебникам. Бросая в очаг исписанные листы, он проворчал:

— Я же говорил, что только учение доведет до добра. А ты все заладил: копай грядки, сей зерно...

Тунбань парировал с механическим хладнокровием:

[Если бы ты не копался в земле, тебе бы и на книги не хватило.]

Ся Чэнь обреченно вздохнул.

"Господи, дай мне дожить до дня, когда я хоть раз оставлю его в дураках."

И потекли привычные, размеренные будни. Днем Ся Чэнь прилежно занимался в школе, по ночам ухаживал за грядками в пространстве. За пределами дома его ждал послушный и покладистый друг — юный послушник-даос, дома докучали своими проказами двое несносных, но по-своему очаровательных племянников, а в тайной обители всегда был готов выслушать понимающий и заботливый собеседник. Жизнь текла на удивление гладко и безмятежно.

Месяц пролетел незаметно, и наступила пора летней жатвы. Экспериментальные рисовые всходы, заботливо выращенные Ся Чэнем, занимали совсем небольшой участок — меньше одного му, однако результаты превзошли все ожидания. По подсчетам Тунбаня, урожайность в

пересчете на стандартную меру составила рекордные четыреста восемнадцать килограммов с му! На обычных же заливных полях семейства Ся этот показатель едва достигал двухсот девяноста двух килограммов, что само по себе считалось в этих краях отменным результатом.

Показатели выросли почти на треть! Это был невероятный прорыв.

К счастью, заветные три фэня земли располагались в самой глубине угодий семейства Ся. Чтобы уберечь чудо-посевы от завистливых глаз, господин Ся строго-настрого запретил чужакам приближаться к делянке, а сам едва ли не круглые сутки проводил у межи, подумывая соорудить там шалаш. Когда колосья налились золотом, глава семейства никому не позволил прикоснуться к серпу. Он собственноручно сжал весь урожай до единого стебелька. Лишь малую горсть зерна пустили на пробу, а остальное бережно перебрали и засыпали в отдельные сусеки — на семена.

Ся Чэнь лишь молча забавлялся, глядя на отцовские хлопоты. Детская простота и наивный вид служили ему идеальным прикрытием. Спустя некоторое время мальчик отвел отца на уединенный склон и показал ему плоды своих трудов — «желтый жемчуг». Увидев усыпанные крупными, тяжелыми зернами кукурузные початки, господин Ся онемел от изумления.

Прежде чем пробовать невиданное лакомство самим, они скормили немного зерен кролику, которого Юаньбао презентовал его приятель Сюй Хэлай. Убедившись, что зверек жив и здоров, они отведали вареных початков. Сладкий, сытный вкус и невиданная урожайность новой культуры навсегда покорили сердце старого крестьянина.

— Сын мой — истинный избранник небес, отмеченный великой благодатью! — в слезах воскликнул господин Ся.

В порыве благодарности богам он велел супруге Юнь-нянь щедро одарить настоятеля Храма Бессмертной Девы звонкой монетой, чему старый даос Сюй несказанно обрадовался.

С двух ухоженных стеблей Ся Чэнь снял семь крупных початков. Два ушло на кулинарные опыты и проверку безопасности, а оставшиеся пять бережно высушили на солнце — точно так, как описывал в своих «смутных воспоминаниях»мышленный Юаньбао.

К началу сева позднего риса господин Ся окончательно уверовал в мудрость сына. Заручившись помощью старшего сына, он строго следовал его советам: сначала обустроил парники для рассады и лишь затем пересадил окрепшие ростки в залитую водой пашню. Старик проявил недюжинную смелость, решив засеять методом трансплантации рассады все десять с лишним му своих лучших земель. На это ушла половина заготовленных семян от Ся Чэня. Оставшуюся часть сберегли на будущее, а нехватку рассады восполнили обычным, проверенным зерном.

В конце одиннадцатого месяца пришло время собирать поздний рис. Небывалый, ломающийся от изобилия урожай на полях семейства Ся утаить от соседей было невозможно. Деревня Цинхэ гудела как растревоженный улей. Даже надменный господин Тянь, издавна враждовавший с их

родом, несколько раз как бы невзначай проезжал мимо крестьянских наделов, позеленев от зависти при виде тучных, гнущихся к земле колосьев.

И пока Ся Чэнь с растущей тревогой размышлял, не переусердствовал ли отец с масштабами своего триумфа, на тихую деревенскую улочку Цинхэ с грохотом ворвался конный отряд. Крепкие, суровые всадники на отборных скакунах, не сбавляя шага, направились напрямик к воротам усадьбы Ся.

<http://bllate.org/book/18260/1759301>